

Центральноазиатский фактор в российско-китайском партнерстве в сфере обеспечения безопасности

Научный руководитель – Веселов Василий Александрович

Тарановская Юлия Николаевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет мировой политики, Кафедра международной безопасности, Москва, Россия

E-mail: yuliya.taranovskaya@list.ru

В настоящее время РФ и КНР являются партнерами по диалогу, который реализуется в форме проведения двусторонних переговоров, консультативных совещаний и разработки совместных решений по актуальным проблемам обеспечения безопасности. Постепенное включение стран Центральной Азии (поначалу в двустороннем, а позднее - в многостороннем формате ШОС) в единое пространство для обсуждения проблем безопасности в годы, последовавшие за распадом СССР, а также наличие общих государственных границ, обусловили формирование особого фактора в российско-китайском партнерстве в сфере обеспечения безопасности. Этот фактор в работе обозначен как центральноазиатский фактор.

Комплексный центральноазиатский фактор может быть рассмотрен в качестве совокупности проблем, включающей два основных блока, - пограничные конфликты и религиозный экстремизм.

Итак, первый аспект затрагивает исторически обусловленные территориальные претензии государств данного региона. Среди них лишь Казахстану и Туркменистану в силу различного рода причин удалось избежать ожесточенных вооруженных столкновений и хронической конфликтогенной активности в пределах своих территорий. Однако среди множества очагов необходимо выделить «бурлящий котел» - Ферганскую долину. Данная территория, отличающаяся крайней турбулентностью, является пространством пересечения интересов сразу трех государств, - Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. Восемь анклавных территорий, принадлежность которых оспаривается на протяжении нескольких десятилетий, являются главным источником противоречий в регионе. Атмосфера враждебности, наличие логистических и юридических препятствий осуществлению связей между анклавами и государствами, которым они принадлежат, низкий уровень жизни и резкая социальная поляризация - все это становится основой формирования пояса нестабильности по периметру региона [4].

В качестве обладающего не меньшим потенциалом оказания влияния фактора автор выделяет религиозный экстремизм. Осознавая значимость актуализирующегося «исламского фактора», руководство республик последовательно приняло меры по ужесточению законодательства, однако, невзирая на позитивные изменения, сирийский и афганский конфликты спровоцировали рост нестабильности и оказали значительное влияние на внутреннюю обстановку в странах региона, в особенности в тех районах, которые также подвергались влиянию сопутствующих неблагоприятных условий [2]. В настоящее время в Центральной Азии наряду с негативными тенденциями, характеризующими внедрение ислама в социально-политическую жизнь общества, просматриваются и позитивные - сохранение приверженности светскости, сокращение иностранного влияния.

Цветные революции, прокатившиеся по Центральной Азии в 1990-2000-х годах, а также иные негативные факторы в виде гражданских войн в Афганистане и Сирии обусловили сближение России и Китая. Возрастающая обеспокоенность, тем не менее, довольно успешно сочеталась с проведением принципиально разных внешнеполитических курсов в отношении Центральной Азии: Китай ориентировался на развитие экономических связей, а Россия - на военно-политическое сотрудничество. Эта тенденция, сохранившаяся по сей день наряду с попытками обеих стран интегрироваться в «зоны ответственности» друг друга определяет проблемное поле в двустороннем взаимодействии. С другой стороны, взаимная поддержка инициатив по проведению совместных контртеррористических учений "Сотрудничество", а также деятельность, направленная на поддержание благоприятного имиджа в Центральной Азии, рассматривается с точки зрения наличествующих перспектив [3].

Многостороннее сотрудничество, основанное также на изначальном сопряжении двусторонних проектов стран-членов ШОС, сегодня является одним из наиболее динамично и целенаправленно развиваемых направлений [1]. Россия и Китай поощряют развитие связей с другими региональными и международными организациями по линии борьбы с «тремя силами зла» - терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом; реализуют на практике опыт взаимодействия в рамках других организациях; поддерживают инициативы по проведению саммитов, встреч, консультаций и совместных учений; способствуют комплексному всестороннему развитию организации. Тем не менее, в рамках ШОС Россия и Китай также имеют «проблемную зону», представленную как двусторонними противоречиями, так и сложностями в отношениях между странами-соседями.

В заключение необходимо отметить, что в российско-китайском партнерстве существует ряд потенциально перспективных и прямо противоположных тенденций, однако будущее сотрудничество будет во многом зависеть от геополитической обстановки и политической воли сторон к продолжению плодотворного диалога. В качестве «окна возможностей» можно обозначить потенциал двустороннего урегулирования споров в ЦА между республиками, а также возможность нахождения ситуационных компромиссов в условиях глобальных политических изменений и постепенного смещения «центра тяжести» на Восток.

Источники и литература

- 1) Указ Президента РФ от 02.07. 2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // [Электронный ресурс] consultant.ru - 02.07.2021 - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/d1af01aa378d36994019c94589f0569ad6d0909b/ (дата обращения: 24.02.2023).
- 2) Лаумулин М. Религиозная ситуация и угроза религиозного экстремизма в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012, Том 15, Выпуск 1.
- 3) Никитина Ю.А., Фань Сюэсун. Двусторонние учения России и Китая «Сотрудничество» - подготовка к операциям в центральной Азии? // Вестник московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018, №3. – с.161-170.
- 4) Aben D. Regional security in Central Asia: addressing existing and potential threats and challenges // Eurasian Research Journal. 2019, Vol. 1 No. 1, p. 51-65.